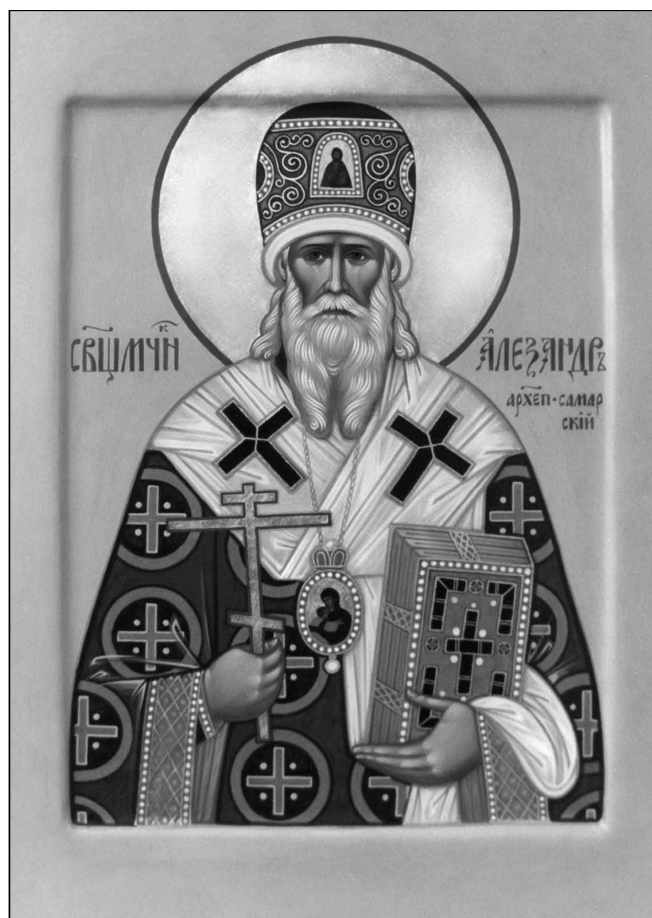

1(14) января

Священномученик
Александр (Трапицын),
архиепископ Самарский,
и с ним пострадавшие священномученики
Иоанн (Сульдин), Иоанн (Смирнов),
Александр (Органов), Александр (Иванов),
Вячеслав (Инфантов), Василий (Витевский) и
Иаков (Алферов)

Священномученик Александр родился 29 августа 1862 года в семье диакона Иоанна Трапицына и его супруги Клавдии в селе Волме Вятского уезда Вятской губернии, «расположенном в долине, покрытой перелесками, при небольшой речке Волме... Главным занятием крестьян было здесь земледелие, но вследствие малоземелья и плохой почвы многие ходили на заработки... ремеслами же почти никто не занимался»¹ – так описывают эти места историки и географы Вятки. У родителей было восемь сыновей, трое из них стали священниками и один епископом.

Священномученик Александр

Первоначальное образование Александр получил в Вятском духовном училище, среднее – в Вятской Духовной семинарии. По окончании в 1884 году курса семинарии он, как один из лучших ее воспитанников, был послан для продолжения образования в Казанскую Духовную академию, где обучался за казенный счет. Окончив академию в 1888 году со степенью кандидата богословия, Александр Иванович был назначен на должность надзирателя в Вятское духовное училище. В этом же году он женился и 23 февраля 1889 года был рукоположен во диакона, а 26 февраля – во священника к Всехсвятской церкви города Вятки и назначен преподавателем Закона Божия и церковной истории в епархиальное женское училище. Кроме того он состоял членом комитета школы, созданной для подготовки псаломщиков, цензором проповедей и сочинений религиозно-нравственного содержания и депутатом от духовного ведомства на собраниях Вятской Городской Думы.

В 1891 году в России разразился голод. Как и многие пастыри в это время, отец Александр живо откликнулся на народное бедствие и призывал людей состоятельных помочь тем, кто попал в беду и лишился средств к пропитанию.

В вятском кафедральном соборе во время богослужения 14 сентября 1891 года отец Александр сказал: «Вот и ныне, слушатели христиане, постигло наше Отечество тяжелое бедствие. Божиим попущением многие местности нашего Отечества, в том числе и Вятский край, бывшие прежде хлеботородными, пострадали от неурожая хлеба, и население империи уже начинает испытывать недостаток в средствах пропитания. Это бедствие – крест Божий, ниспосланный нам во вразумление и наказание наше за грехи. Мы уже слишком далеко уклонились от того образа жития, какой начертывает нам слово Божие. Забвение Бога, неверие, погоня за наживой, благами и удовольствиями мира сего, самолюбие, своекорыстие – обычные наши страсти и пороки, низводящие нас на степень человека-язычника. Ниспосланный нам свыше крест и является спасительным врачевством против наших душевных недугов. Он побуждает нас глубже проникнуть в наше душевное состояние, раскрыть пред нашим сознанием наши духовные язвы, приложить старание об их уврачевании и об умилостивлении прогневанной нашими прегрешениями правды Божией добрыми и богоугодными делами...»²

И далее, поясняя, что же в нынешних обстоятельствах является богоугодным делом, отец Александр сказал: «Совершите, братие, святое дело сострадания бедствующим братьям: помогите им в тяжелой нужде. Не отклоняйте руки, простираемой к вам за подаянием, слагайте лепты свои в обносимые пред вами кружки, посылайте ваши жертвы в учрежденные для сбора их комитеты, чем кто может: кто имеет деньги, да уделит от них по усердию, у кого есть одежды, *да подаст* из одежды, а у кого есть пища, *такожде да творит* (Лк. 3, 11)»³.

В марте 1892 года у отца Александра родился сын, а в июле того же года он лишился супруги. В 1893 году он был назначен законоучителем Вятского Александровского училища, а в 1896 году – определен в состав Епархиального училищного совета. В июне 1897 года он был избран членом Совета епархиального женского училища, а в сентябре того же года назначен на должность инспектора Вятской Духовной семинарии. После смерти супруги путь отца Александра стал определяться как стезя сугубого церковного служения, как путь монашеский.

26 февраля 1900 года преосвященный Алексий (Опоцкий), епископ Вятский и Слободской, постриг иерея Александра в крестовой церкви в монашество. По случаю его пострижения были отменены занятия в трех старших классах Духовной

семинарии, а семинаристы отпущены в крестовую церковь для присутствия на постриге. Для Вятской семинарии это было событие необычайное – за последние десять лет здесь всего лишь второй раз постригали в монашество. Постриг произвел на всех присутствующих, и особенно на семинарскую молодежь, огромное впечатление и многим сердцам не только дал представление об иночестве как о сугубом христианском подвиге, но и оживил память об обетах, которые дает всякий человек при крещении; это событие заставило многих задуматься о глубинном смысле христианской жизни. Новопостриженному иноку было оставлено прежнее имя – Александр.

Вскоре после пострига иеромонах Александр был назначен исполняющим должность ректора Вятской Духовной семинарии. В апреле 1900 года указом Святейшего Синода он был награжден наперсным крестом.

В начале 1900 года была проведена ревизия Калужской Духовной семинарии, которую возглавил епископ Нарвский Никон (Софийский); она обнаружила много недостатков в управлении епархией, а также и в управлении Калужской Духовной семинарией, которые привели к беспорядкам среди учащихся и неподчинению начальству. В результате ревизии Святейший Синод уволил ректора семинарии, около сорока лет занимавшего эту должность, за штат и поставил учащихся на вид их дурное поведение, но строгие меры не применил, дав время на исправление.

25 июля 1901 года указом Святейшего Синода отец Александр был назначен ректором Калужской Духовной семинарии и 6 августа того же года возведен в сан архимандрита. 12 декабря 1904 года архимандрит Александр в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге был хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии⁴. За месяц до его хиротонии епископ Никон (Софийский), возглавлявший ревизию в Калужской семинарии, был назначен на Владимирскую кафедру. До Владимирской кафедры он три года прослужил в Вятской епархии и хорошо знал отца Александра как ревностного церковного деятеля. Вручая ему архиерейский жезл, преосвященный Никон сказал: «...Нахожу излишним подробно разъяснять тебе, уже давно состоящему в священном сане, проходившему священническое служение и приготавливавшему к нему юношество, высоту и вместе трудность архиерейского служения во все времена, особенно же в настоящее время, когда требуют свободы совести в деле религии для всех без исключения, даже для необлагодатствованных и непросвещенных светом учения Христова язычников, при этом людей неграмотных и совершенно умственно темных; когда люди ищут свободы от всякого закона: человеческого и Божеского; когда никто не признает для себя авторитетов и всякий желает сам для себя быть образцом; когда даже ученики хотят указывать, чему должны их учить, и воспитывающиеся желают по своему вкусу избирать себе воспитателей»⁵.

Епископ Александр в своем кратком ответном слове сказал: «Измлада наученный во всех затруднительных путях своей жизни возлагать упование на помощь Божию, я и ныне, в сей знаменательный для меня день и час жизни, нахожу для себя ободрение против страха перед своими немощами в вере и надежде на всесильную благодать Божию»⁶.

Определением Святейшего Синода от 19-21 ноября 1905 года преосвященный Александр был назначен на должность председателя Владимирского епархиального училищного совета.

Епархиальные власти, учитывая новые явления и веяния в общественной жизни, старались, чтобы и пастыри были в курсе особо значимых событий. С этой

целью под председательством архиереев, епископа Никона или епископа Александра, устраивались собрания, на которых избранные и специально подготовленные докладчики читали сообщения о событиях, происходящих в общественной жизни.

Епископ Александр

В те годы было не принято служение vikарных архиереев в городах викариатства, и в первый раз епископ Александр прибыл в Муром с визитом лишь через два года после хиротонии. Он пробыл в Муроме четыре дня, во время которых служил утром и вечером; в один из дней владыка возглавил многолюдный крестный ход из Благовещенского монастыря в городской собор. За время пребывания в Муроме епископ посетил все учебные заведения и церковно-приходские школы города, везде оставив пожертвования.

В декабре 1907 года были изысканы средства для открытия второго викариатства в епархии; второй викарий получил местопребывание в Муромском Спасском монастыре; в связи с этим преосвященный Александр был назначен епископом Юрьевским, первым викарием Владимирской епархии.

В июне 1912 года преосвященный Александр получил назначение на Вологодскую кафедру. 19 июня 1912 года владыка выехал в Санкт-Петербург, куда он был вызван Святейшим Синодом и где встретился со своим предшественником по Вологодской кафедре епископом Никоном (Рождественским). Вернувшись из столицы 22 июня, он в течение пяти дней прощался с паствой и сотрудниками церковных учреждений, с которыми был непосредственно связан, а это были все

учебные заведения города Владимира. В ночь на 28 июня владыка выехал в Вятку навестить своих престарелых родителей. 12 июля он прибыл в Вологду, где его встретил епископ Вельский Антоний (Быстров), викарий Вологодской епархии, с многочисленным духовенством. После встречи владыка сказал собравшимся, что, когда он получил назначение на Вологодскую кафедру, им поначалу овладело смущение, так как эту кафедру ранее занимали многие великие светильники Православной Церкви, к каковым принадлежит и только что отбывший из Вологды преосвященный Никон; смущение его было столь велико, что даже появилось желание остаться на прежнем месте, но при мысли о том, что это назначение состоялось по воле Пастыреначальника Господа Иисуса Христа, он ободрился, положившись на благодать Божию и на молитвы святых угодников земли Вологодской.

Архиерейское служение в Вологодской епархии владыка начал с объезда монастырей и приходов. Он сразу же посетил Спасо-Прилуцкий монастырь, Успенский женский монастырь в Вологде, Корнилиев Комельский монастырь вблизи города Грязовца, Павло-Обнорский монастырь и другие, а также многие приходы, почти каждый день совершая богослужения.

Деятельно участвуя как архипастырь во всех религиозных мероприятиях епархии, владыка видел, что у современных христиан угасает ревность к духовной жизни, вера становится теплохладной, а от этого расстраивается и сама жизнь приходов; в селах храмы еще имеют постоянных прихожан, а в городских приходах постоянных прихожан уже почти нет. Благотворительность хотя и не была оставлена вовсе и даже несколько возродилась с началом Первой мировой войны, но и в делах благотворительности, как и в делах прихода, деятельно участвовала лишь небольшая часть прихожан.

«Создать приходское собрание для разрешения возникающих вопросов по благотворительной деятельности в приходе и даже для ознакомления с тем, как употребляются собранные на помощь бедным средства, чрезвычайно трудно, – писал владыка, обращаясь к вологодской пастве. – Горький опыт всех городских приходов свидетельствует, что в таких собраниях участвует едва одна десятая часть прихожан, имеющих право голоса, а остальные девять десятых остаются безучастными к общему делу. Не так было в старину. Прежде любили свои храмы. Чем иначе объясните вы само обилие храмов в нашем городе? Населения было несравненно меньше, приходы были малочисленнее, а между тем – смотрите, какие величественные храмы созидались и богато украшались. Поддержать созданное нашими благочестивыми предками церковное благолепие мы едва в состоянии»⁷.

Вызывало беспокойство архипастыря и отсутствие духовной связи между членами приходской общины, которые зачастую оказывались едва знакомы друг с другом. Чтобы преодолеть эти явления и упорядочить жизнь в приходах, епископ Александр созвал общее собрание пастырей всех городских церквей Вологды для совещания по вопросу о приходской реформе и выработке специального обращения архипастыря и пастырей к православному населению города. В обращении они призывали, чтобы каждый православный житель города определился, какой храм он считает своим приходским – по рождению ли в этом приходе, по месту жительства или по духовной связи с пастырем, дабы хотя бы как-то упорядочить духовную жизнь верующих прихожан.

В 1917 году в Москве открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви, и епископ Александр принял деятельное участие как в общих заседаниях Собора, так и в работе отделов: о церковной дисциплине, о церковном суде, о

монастырях и монашестве, о правовом и имущественном положении духовенства, о благоустройстве прихода.

После революции 1917 года начались гонения на Русскую Православную Церковь от пришедших к власти безбожников, и владыке почти сразу же пришлось испытать их тяжесть. 4 (17) апреля 1919 года по распоряжению советских властей специально созданная для этой цели комиссия вскрыла раку с мощами преподобного Феодосия Тотемского. Вскрытие раки вызвало бурю протестов среди православных жителей города, и епископ направил председателю Вологодского губернского исполкома письмо, в котором писал: «Управление Тотемского Спасо-Суморина монастыря рапортом на мое имя от 5 (18) сего апреля донесло мне нижеследующее: сего 4 (17) апреля по окончании Божественной литургии явилась в храм комиссия с участием четырех врачей для освидетельствования святых мощей преподобного Феодосия и тотчас же приступила к внешнему осмотру раки и гроба со святыми мощами...

По приказанию членов комиссии все одежды, покрывавшие святые мощи, были с оных сняты и удалены, после чего секретарем Божковым и врачами были тщательно освидетельствованы все члены святых мощей. А затем приказано было поставить гроб со святыми мощами в наклонном положении, дабы часть гроба с помещающеюся в оном главою преподобного была приподнята, и в таком виде с преподобного было произведено два фотографических снимка. Засим вставляли на стол члены комиссии и, взявши в руки обнаженные святые мощи, также и главу, показывали их народу, в значительном количестве наполнявшему храм. А после этого предложено было проходить мимо стола, на котором положены были святые мощи, всем желающим, касаться святых мощей, брать их в свои руки. Со святых мощей, вынутых из гроба и держимых в руках, также с главы и рук был произведен еще фотографический снимок.

После этого комиссия вынесла постановление, чтобы святые мощи были оставлены обнаженными и положены были на верхней крышке кипарисного гроба, помещающегося в раке, а сверху были покрыты стеклянным футляром, взятым с плащаницы, что и было приведено в исполнение. Поверх футляра были положены печати...

Сообщая о вышеизложенном, прошу срочного распоряжения Вашего о немедленном прекращении описанного необычайно кощунственного положения останков преподобного Феодосия Тотемского, которое может вызвать великое смущение среди православного населения...»⁸

Власти отказались удовлетворить просьбу епископа и вместо ответа поместили в газетах циничную статью председателя губернского исполкома. Владыка, желая объяснить суть церковной позиции, направил председателю второе письмо, в котором писал: «Очень рад, что своим ответным письмом... на мое к Вам обращение с просьбой о прекращении выставления обнаженных останков преподобного Феодосия Тотемского в удовлетворение праздного любопытства толпы Вы даете мне повод изложить истинный взгляд Церкви на святые мощи.

Наша Православная Церковь никогда не смотрела на мощи святых угодников Божиих как на непременно и совершенно целые нетленные тела, ибо это было бы не согласно со словом Божиим, по которому только один Богочеловек наш Иисус Христос не увидел тления... все же люди, в силу определения Божия “земля еси, и в землю отыдеша”, должны подвергаться и подвергаются тлению...

Но есть “люди, имеющие ревность Божию не по разуму, которые

утверждают, будто мощи святых непременно суть совершенно нетленные, то есть совершенно целые, нисколько не разрушенные и не поврежденные тела”⁹. Мнение этих людей, как одностороннее и неправильное, и приносит много вреда Церкви. *Церковь же под мощами понимает вообще останки святых в виде ли более или менее целых тел (костей с плотью) или в виде одних костей без тела.*

Такое понимание Церкви явствует уже из самого названия останков святых “мощами”. По филологическому исследованию профессора Голубинского, слово “мощи” главным и собственным образом означает не целое тело, а части тела: древнеславянское “моща” в единственном числе значит остаток, множественное “мощи” – остатки...

Еще более в указанном понимании Церковью мощей как останков, больших или меньших, от тел святых или как только одних костей их, убеждают исторические свидетельства Церкви греческой и русской. Приведем некоторые из них. Так, Блаженный *Иероним* в сочинении против Вигилияncia, жившего во второй половине IV века, говорит о мощах апостолов Петра и Павла как о костях... Мощи апостолов Андрея, Луки и Тимофея, перенесенные в Константинополь в 356-357 гг., были кости, ибо хранились в небольших ящиках, которые патриарх в торжественных процессиях, ездив в колеснице, держал у себя на коленях. Мощи ветхозаветного патриарха Иосифа и Захарии, отца Предтечи, перенесенные в Константинополь в 415 году, были кости, ибо помещались в малых ящиках. Святой *Иоанн Златоуст* в своих речах о мощах святых многократно называет их костями... или же костями, которые сопровождает прах... от разложившихся тел. Так, в слове похвальном в день святых мучениц дев Вероники и Просдоки и матери их Домнины (память 4 октября) говорит: “Могут и гробы мучеников иметь великую силу, как и кости мучеников имеют великую мощь...” В слове на день мучеников говорит: “Побудь у могилы мучеников, обойми гроб, пригвоздись к раке: не только кости мучеников, но и могилы и раки их великое источают благословение”...

Подобно греческой Церкви, и в нашей русской Церкви под мощами святых всегда разумелись останки от тел святых угодников, большие или меньшие, или, что чаще всего, только одни кости... Чествуя останки святых, христиане почитают чрез них присущую им чудодейственную силу, или благодать Божию. Они не “творят из них кумира”, не воздают им Божеского поклонения, а чествуют их только как земные посредства, орудия благодати и силы Божией, отнеся всю честь к Самому Господу Богу, Владыке святых, избравшему их останки для прославления чрез них Своего могущества и силы. Отвергать такое чествование значило бы отвергать то, что прославляется Самим Богом к нашему почитанию...»¹⁰

Но и на это письмо был получен от властей отрицательный ответ. 29 мая 1919 года, в день праздника Вознесения Господня, в Спасо-Суморин монастырь собралось множество богомольцев из дальних и ближних мест. Во все предыдущие годы в этот день мощи преподобного Феодосия переносились из зимнего храма в летний. После окончания ранней литургии народ обратился к настоятелю монастыря игумену Кириллу (Ильинскому) с просьбой положить святые мощи в гроб. Настоятель ответил, что исполнение просьбы зависит от разрешения властей. Народ двинулся за разрешением в исполком, но здесь верующим было категорически отказано в просимом.

После окончания поздней литургии люди, занимавшие всю площадь перед собором, стали снова требовать, чтобы святые мощи были положены в гроб, а

затем сами сорвали печати с футляра. Игумен Кирилл переложил мощи, и «в сослужении братии и городского духовенства с молебным пением Спасителю, Божией Матери и преподобному Феодосию святые мощи были обнесены вокруг храмов обители и внесены в летний храм»¹¹.

Сразу же после окончания вечерни власти арестовали и заключили в тюрьму настоятеля, казначея, духовника, благочинного, двух иеродиаконов и двух монахов, и в обители остались иеродиакон, два монаха и послушники; по этой причине богослужения в монастыре прекратились.

19 июня 1919 года гроб с мощами преподобного Феодосия был снова вскрыт властями, а мощи помещены под стеклянный футляр и опечатаны. Уездные власти, опасаясь волнений среди населения, обратились за разрешением к губернским властям увезти мощи в вологодский музей, а монастырь закрыть. Такое разрешение было получено, и ночью 26 сентября 1919 года мощи преподобного Феодосия были тайно перевезены в Вологду, а монастырь закрыт. Тысячи верующих Вологды и окрестностей направили ходатайства к властям с просьбой вернуть мощи в храм. В одном из ходатайств они писали: «Мы... знаем, что такое мощи. Мы почитали и почитаем их как останки дорогого для нас угодника Божия, который в своей земной жизни исполнением заповедей христианского учения, добрыми делами, смиренным поучительным житием, праведною кончиною и молитвенной помощью при жизни и по смерти утешал и утешает сердца верующих...»¹² Но, несмотря на обращения епископа и верующих, мощи преподобного Феодосия в то время не были возвращены.

В 1923 году власти арестовали епископа Александра; он был обвинен «в связи с монашеством и агитации»¹³ и осужден на шесть месяцев принудительных работ в концлагере. По возвращении из заключения преосвященный Александр получил назначение на кафедру в Симбирск, а затем был назначен епископом Симферопольским и Крымским и на этой кафедре прослужил девять месяцев.

В 1928 году епископ Александр был возведен в сан архиепископа и назначен на Самарскую кафедру. В начале 30-х годов власти Самарской области закрыли многие храмы и произвели массовые аресты среди духовенства. Архиепископ видел – дело может дойти до того, что будут арестованы все священнослужители епархии и некому станет совершать таинства. Владыка стал рукополагать священников из среды благочестивых мирян, некоторым из них он советовал устроить у себя в доме церковь.

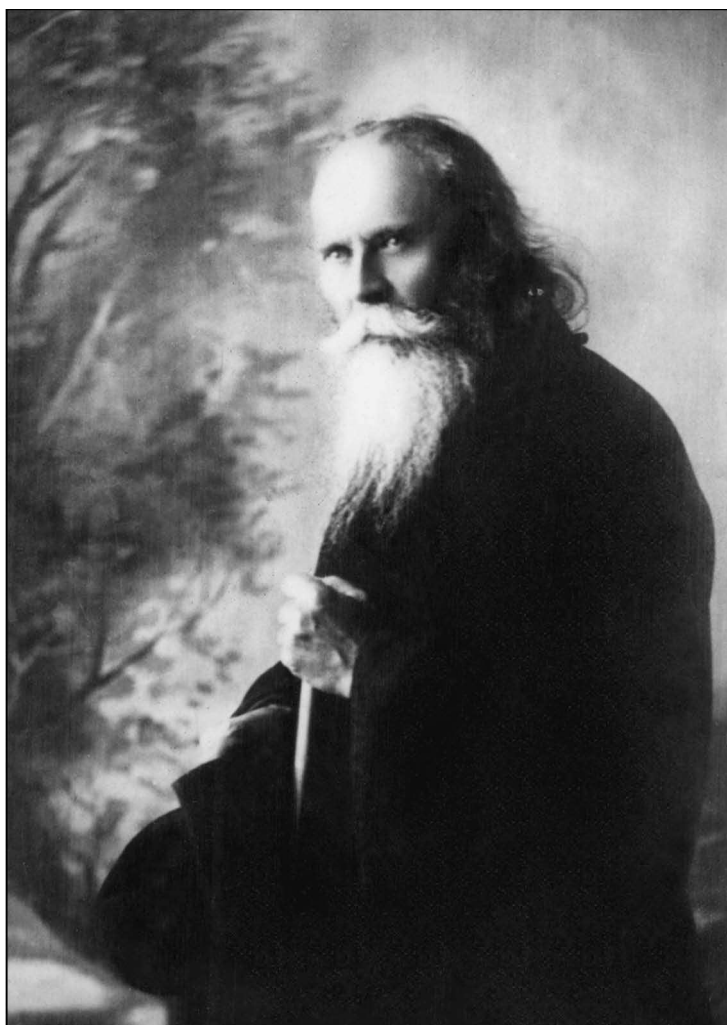
В епархии среди духовенства в то время возникло разномыслие относительно декларации митрополита Сергия, но архиепископ Александр не стал спорить с инакомыслящими и применять к ним дисциплинарные меры. Благодаря его огромному авторитету все священники остались в его подчинении, и в епархии удалось избежать смятений.

Летом 1933 года власти провели аресты среди духовенства Самарской епархии. Против владыки Александра было возбуждено уголовное дело; архиепископу шел семьдесят первый год, и ОГПУ оставило его на время проведения следствия на свободе, взяв с него подписку о невыезде. Его обвинили в том, что он являлся «руководителем контрреволюционной группы церковников... Неоднократно руководил нелегальными собраниями в своем доме... на которых давал антисоветские установки. Вел проповедническую работу в антисоветском духе, обрабатывал религиозных фанатиков для принятия ими сана попов. Вел антисоветскую агитацию среди крестьян, приезжавших к нему из деревни для подыскания попов»¹⁴.

В начале августа 1933 года следователь допросил архиепископа. Владыка, отвечая на его вопросы, сказал, что он действительно в последнее время часто рукополагал в священный сан, но разговоров с целью «влиять на присутствующих в антисоветском духе»¹⁵ не вел. Проповеди в храме он действительно произносил, но только духовно-нравственного содержания.

23 августа 1933 года следствие было закончено, и 29 октября Особое Собрание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Александра к трем годам ссылки на Урал в Екатеринбургскую область. Вернувшись из ссылки, архиепископ поселился в Симбирске; в 1936 году он переехал в Самару, где служил по благословию правящего Самарского архиерея в Петропавловском храме.

В 1937 году гонения на Русскую Православную Церковь усилились, и почти все духовенство Самары было арестовано. 30 ноября 1937 года был арестован и архиепископ Александр. Свободных мест в следственной тюрьме не было, и подследственных содержали в бараках исправительно-трудового лагеря.

Архиепископ Самарский Александр

13 декабря 1937 года следователь допросил владыку.

– Вы арестованы за активное участие в подпольной контрреволюционной церковно-сектантской организации. Дайте по этому вопросу подробные показания.

– Я не принимал участия в подпольной контрреволюционной церковно-сектантской организации.

– Вы говорите неправду, у следствия имеются материалы, устанавливающие ваше активное участие в указанной организации. Вы были связаны с врачом Иваном Семеновичем Котовым, которого вовлекли в «тайное общество духовенства». С ним вы вели переговоры о рукоположении его в тайные священники с целью проникнуть в дома интеллигенции и верующих.

– С Котовым у меня связи не было, я его знал как верующего врача, посещающего церковь, в которой бывал и я.

– Вы отрицаете активное участие в контрреволюционной... организации и работу с Котовым по подготовке его в тайные священники? У следствия имеется материал, подтверждающий это. Я вам зачитаю выдержки по этим вопросам.

Следователь зачитал лжесвидетельства, выслушав которые архиепископ ответил:

– Участие в контрреволюционной организации, а также работу с врачом Котовым по зачитанным вами выдержкам я отрицаю.

Одновременно с архиепископом Александром было арестовано двадцать три священника и двое мирян. Некоторые из арестованных, несмотря на все усилия следователей склонить их к лжесвидетельству, держались мужественно, не оговорили ни себя, ни других и приняли мученическую кончину¹⁶.

Священномученик Иоанн родился 12 января в 1880 года в городе Ардатове Симбирской губернии в семье крестьянина Иосифа Сульдина. Первоначальное образование он получил в Ардатовском духовном училище. После окончания Симбирской Духовной семинарии Иван Иосифович 15 апреля 1902 года был рукоположен во диакона, а 9 марта 1903 года во священника ко храму в селе Новое Томышево. С 19 марта 1920 года он стал служить в Ильинской церкви в городе Сызрани и вскоре был назначен ее настоятелем. У отца Иоанна с супругой родилось шестеро детей; после рождения последнего ребенка супруга умерла, и священник, не оставляя попечения о детях, еще больше времени стал уделять церкви. В 1922 году он был награжден наперсным крестом¹⁷.

Отец Иоанн многократно подвергался арестам – в 1923, 1924, 1925, 1926 и в 1930 годах. Во время его последнего ареста Ильинская церковь была закрыта, и, освободившись из заключения, отец Иоанн, как и большинство сызранских священников, чьи храмы были закрыты, стал служить в городском Казанском соборе. По показаниям свидетеля, он сказал за литургией проповедь о том, как мучили древних христиан за веру Христову и что такое же время пришло и сейчас. Отец Иоанн был арестован вместе с епископом Августином (Беляевым) и большой группой духовенства и мирян города Сызрани 21 февраля 1931 года.

Один из сотрудничавших с властями сызранских священников дал в качестве свидетеля такие показания против православного духовенства: «До последних дней священники Ильинской церкви Сульдин и Покровский слыли у нас в городе как истинные священники. Это я говорю на том основании, что мне приходилось не раз слышать это от мирян. Я должен сказать, что Сульдин и Покровский – попы-реакционеры, до сего времени не примирившиеся с советской властью, ждущие иных дней и иной власти. После закрытия в Сызрани церковью сергиевской ориентации большинство попов-тихоновцев сконцентрировались в Казанском соборе, где объединяющим их центром явился епископ Августин, такой же в своих убеждениях черносотенец, как и примкнувшие к нему попы. Если лаконично охарактеризовать тихоновское духовенство, можно это выразить в паре слов: все они отпетые реакционеры.

Мне приходилось общаться среди этого духовенства и до революции, и после нее, был я благочинным, служил в Казанском соборе, и кому, как не мне, знать, чем дышало и чем дышит сейчас это духовенство, группирующееся около собора и епископа Августина. Все это духовенство, начиная с Сульдина... и кончая Аполлоновым, явные враги советской власти и всех ее мероприятий»¹⁸.

1 марта был допрошен священник Казанского собора в Сызрани Модест Аполлонов, он показал следствию: «Теперь перейду к вопросу об отношении к декларации митрополита Сергия, опубликованной в 1927 году. Когда я получил эту декларацию – я был ошеломлен ею. Прочитав ее, я с ней категорически был не согласен, так как считал, что в ней не отражено действительное положение духовенства, ибо со стороны советской власти не было такого отношения к духовенству и религии, которое рисует декларация. На самом деле советская власть притесняла духовенство и Церковь, а декларация митрополита Сергия это отрицала. Поэтому я и считаю декларацию ложью со стороны главы Церкви, митрополита Сергия. Однако я эту декларацию обнародовал и ей подчинился. После опубликования декларации... я пришел к Сульдину, как к одному из церковных авторитетов, спросить его мнения и совета по этому вопросу. В беседе с ним я убедился, что он так же, как и я, к декларации митрополита Сергия и к нему самому относится отрицательно и стоит в оппозиции к духовенству, принявшему декларацию. Однако мне Сульдин сказал, чтобы я формально подчинился этой декларации и ее обнародовал... Сульдин для местного реакционного духовенства являлся громадным авторитетом, и к его слову и мнению все прислушивались и тянулись к нему. Авторитет его был не только среди духовенства, но и у мирян, особенно у тех, которые в прошлом были видными людьми»¹⁹.

В тот же день был допрошен и отец Иоанн Сульдин. Отвечая на вопросы следователя, он сказал, что принадлежал и принадлежит к тихоновской ориентации. «Декларацию митрополита Сергия я получил и ее обнародовал на приходском совете и за службой в церкви, ей подчинился беспрекословно. Эту декларацию я ни с кем не обсуждал, но по поводу этой декларации со священником Аполлоновым разговор имел. Он меня спрашивал, получили ли мы эту декларацию. Я ответил: “Получили и привели в исполнение”. Своих взглядов на декларацию митрополита Сергия я священнику Аполлонову не высказывал. Проповеди я говорил, но не так часто; в них я мероприятий советской власти не задевал и вообще выпадов против властей не делал... Книгу Нилуса “Сионские протоколы” я знал по библиографическим указаниям “Церковных ведомостей”. Лично сам я ее не видел и не читал. Никаких разговоров со священником Аполлоновым о коллективизации, раскулачивании и вообще о мероприятиях советской власти в деревне не вел никогда, а также в этой плоскости я не вел разговоров и с другими лицами, а также не было разговора и о тяжелой жизни духовенства, – все это я категорически отрицаю... Виновным себя не признаю по всем пунктам предъявленного мне обвинения»²⁰.

7 июня 1931 года следователи устроили очную ставку между священниками Модестом Аполлоновым и Иоанном Сульдиным, и следователь спросил отца Иоанна:

– Действительно ли священник Аполлонов с 1929 года по март 1930 года жил у вас на квартире и в процессе совместной жизни действительно ли вы беседовали со священником Аполлоновым по всем указанным выше и вам зачитанным вопросам?

Отец Иоанн на это ответил:

– Священник Аполлонов действительно жил у меня на квартире в указанное выше время, выписывал газеты, мы, безусловно, с ним вместе их читали; беседы о коллективизации велись лишь только на основании газетных сведений, так как я с деревней не знаком. Священник Аполлонов действительно мне говорил о тяжести своего положения, ввиду того, что ему пришлось заплатить налог. Относительно положения духовенства в настоящее время мы приходили к выводу, что в настоящее время духовенству живется тяжело, но сравнения с прежней царской жизнью духовенства мы не делали и упреков по отношению к власти не высказывали. По поводу данного митрополитом Сергием интервью иностранным корреспондентам о том, что в СССР нет гонения на религию и духовенство, мы действительно со священником Аполлоновым говорили, но точно не помню, – возможно, мы делали вывод, будет ли оно принято или как отнесется к нему духовенство, но точно не помню. Но каких-либо противоречий против этого интервью мы не выносили и были с ним согласны. Категорически отрицаю то, что я книгу Нилуса «Протоколы сионских мудрецов» читал, а также по данным этой книги рассуждений с Аполлоновым не вел и вести не мог. Говорил ли мне об этом Аполлонов, я точно не помню; возможно, что и говорил, но совершенно без каких-либо выпадов и подчеркиваний мест в книге.

– Аполлонов, подтверждаете ли вы показания, данные вами на следствии? – спросил следователь отца Модеста.

– В тех выражениях, как они зафиксированы, я не подтверждаю, но подтверждаю то, что книгу Нилуса я читал. В город я эту книгу не привозил и у священника Сульдина совместно с ним не читал. Говорил, что накладывают налоги для меня непосильные. Об интервью мы говорили с Сульдиным, но не в той плоскости, как это записано в протоколе. Говорили, что переживаем тяжелое время, но о том, что со стороны властей было какое-либо гонение, мы не говорили. Относительно того, что советская власть неприемлема для Церкви, мы не говорили. А также не говорили о том, что коллективизация, если таковая не будет связана с религией, для православных христиан будет неприемлема.

В камеру, где были заключены священники, был помещен осведомитель, который доносил следователям, о чем говорили между собой священники. В частности, он показал: «Из разговоров в камере № 4 со священником Ильинской церкви Сульдиным выяснилось, что у Сульдина, на его квартире, частенько собирались еще до момента закрытия церквей в Сызрани. В момент этих сборищ между ними, говорил Сульдин, происходил обмен мнениями относительно происходящих в настоящее время событий, а также по отдельным мероприятиям советской власти. 19 мая 1931 года Сульдин и Жегалов в разговоре в камере № 4 определенно заявили: “Пусть с нами что хотят делают и какая угодно пусть нас ожидает кара, но мы признаваться не будем, до конца будем стоять на своем пути, чтобы с нами ни делали. Мы чувствуем, что не останемся жить...”»²¹.

28 октября 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило священника Иоанна Сульдина к трем годам заключения в концлагерь²².

После отбытия заключения он в 1933 году снова был арестован и приговорен к трем годам ссылки в Северный край. Из ссылки отец Иоанн приехал в Самару. 30 ноября 1937 года он снова был арестован²³.

Священномученик Иоанн (Иван Васильевич Смирнов) родился в 1873 году в селе Новая Рачейка Самарской губернии в семье священника. По окончании Духовной семинарии он был рукоположен во священника и служил в храмах

Самарской епархии. В 1937 году отец Иоанн был арестован вместе с архиепископом Александром и другими священниками²⁴.

Священномученик Александр родился в 1873 году в селе Туарин Самарской губернии в семье диакона Александра Органова. С 1894 по 1898 год Александр Александрович служил в 1-й дивизии 1-го Преображенского полка рядовым, а затем был назначен ротным писарем. Выйдя в отставку, он стал служить в храме псаломщиком, в самый разгар послереволюционных гонений принял сан священника и затем служил в храмах Самарской епархии до ареста в 1937 году²⁵.

Священномученик Александр родился в 1870 году в Самарской губернии в семье псаломщика Петра Иванова. В 1888 году Александр окончил Самарскую Духовную семинарию и 22 сентября того же года был рукоположен во священника ко храму в селе Стюхино Бугурусланского уезда. В 1894 году отец Александр по его просьбе был перемещен в село Семеновку того же уезда; с 1902 года он стал служить в селе Киндяково Самарского уезда, с 1909-го – в селе Кривая Лука того же уезда. Все это время отец Александр был заведующим церковноприходскими школами в селах, где ему приходилось служить. В 1909 году он был награжден наперсным крестом; с 1912 года состоял постоянным членом благочиннического совета²⁶.

В 1930 году власти арестовали священника и обвинили в контрреволюционной деятельности, заключавшейся в противодействии устройению колхозов, но отец Александр все эти обвинения, как ложные, отверг. Несмотря на это, он был приговорен к пяти годам ссылки в Северный край.

После двух лет пребывания в ссылке здоровье священника расстроилось настолько, что он не в силах стал выполнять определенную для него рабочую норму; перестал получать продуктовый паек и от голода стал все сильнее слабеть. Видя, что ему грозит голодная смерть, он решил бежать из ссылки на родину. В июле 1933 года священник купил билет и сел в поезд. Из документов у него была только выписка из метрической книги о рождении, но все же он благополучно добрался до Самары. В 1937 году сотрудники НКВД снова арестовали его²⁷.

Священномученик Вячеслав родился в 1883 году в семье писаря Александра Инфантова. Учился в Духовной семинарии, по окончании которой был рукоположен во священника. В 1930 году власти арестовали его и продержали около полугода в Самарской тюрьме. В 1937 году он вновь был арестован²⁸.

Священномученик Василий родился 24 января 1873 года в селе Новая Бинарадка Ставропольского уезда Самарской губернии в семье священника Иоанна Витевского. Окончив Духовную семинарию, он был рукоположен во священника и до 1921 года служил в одном из сел Самарской епархии. С 1921 года он стал служить в храме в городе Покровске.

В 1929 году отец Василий по обвинению в контрреволюционной деятельности был приговорен к трем годам ссылки. 25 декабря 1930 года он снова был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Будучи допрошен, отец Василий виновным себя не признал. По этому делу было арестовано одиннадцать человек – девять священников, церковный староста и прихожанин. Все обвиняемые были приговорены к десяти годам заключения и направлены в различные лагеря. Отец Василий отправлен на Беломорско-Балтийский канал. В 1933 году Коллегия ОГПУ постановила отца Василия «условно досрочно» освободить. Священник вернулся в Самару и здесь, 30 ноября 1937 года, был вновь арестован²⁹.

Священномученик Иаков родился в 1878 году в селе Шламка Самарской губернии в семье крестьянина Иоанна Алферова. До революции Яков Иванович преподавал в школе; после революции, когда начались гонения на Церковь, принял сан священника и служил в храмах Самарской епархии. В 1930 году власти арестовали священника, приговорили к трем годам заключения в концлагерь и отправили на каторжные работы на Беломорско-Балтийский канал. В 1933 году отец Иаков вернулся на родину. При усилении гонений в 1937 году он был вновь арестован.

Архиепископ Александр был обвинен в том, что «объединил в Куйбышеве всех безместных попов, главным образом прибывших из ссылок. Этим попом создавал авторитет среди верующих... “страдальцев за веру”, что использовалось для антисоветской повстанческой и контрреволюционной фашистской агитации. Сам лично вел погромно-повстанческую агитацию»³⁰.

Ни владыка Александр, ни вернувшиеся из ссылок и концлагерей священники, арестованные вместе с ним, не признали себя виновными и отвергли все обвинения. 21 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила их к расстрелу.

Архиепископ Александр (Трапицын), священники Иоанн Сульдин, Иоанн Смирнов, Александр Органов, Александр Иванов были расстреляны 14 января 1938 года³¹. Из-за массовости расстрелов остальные священники попали в следующую группу приговоренных к расстрелу. Священники Вячеслав Инфантов, Василий Витевский и Иаков Алферов были расстреляны 8 февраля 1938 года³².

Все расстрелянные священномученики были погребены в общей безвестной могиле.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь».
Тверь. 2005. С. 20-41

Библиография

Вятские епархиальные ведомости. 1891. № 19. С. 499, 503. 1892. № 6. С. 193-196. 1895. № 23. С. 1011. 1899. № 7. С. 372; № 8. С. 238-240; № 21. С. 1064; № 23. С. 1254-1255. 1900. № 1. С. 21-28; № 6. С. 134, 220-221; № 7. С. 301-302; № 10. С. 225, 484; № 11. С. 489-494; № 12. С. 567; № 14. С. 675-678; № 19. С. 931-932; № 21. С. 981-982; № 22. С. 1142. 1901. № 10. С. 584-585; № 17. С. 909-911.

Калужские епархиальные ведомости. 1901. № 19. С. 1; № 20. С. 560; № 22. С. 329.

Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской Церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 297.

Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 47. С. 1924-1925; № 51-52. С. 2102-2103.

Владимирские епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 7-9, 36-40; № 4. С. 61, 122-125; № 5. С. 157-159; № 6. С. 191-192; № 7. С. 217-218; № 8. С. 240-242; № 9. С. 260-263; № 10. С. 247, 283-285; № 11. С. 312-314; № 13. С. 366-367; № 17. С. 478-479; № 20. С. 589; № 21. С. 627-630. 1906. № 1. С. 15; № 4. С. 68-69; № 5. С. 81; № 7. С. 10-11; № 8. С. 131; № 9. С. 145; № 11. С. 177-180; № 13. С. 209-211; № 14-15. С. 224; № 29-30. С. 428; № 31. С. 446-447; № 36. С. 513; № 37. С. 533; № 40. С. 579-586; № 42. С. 629; № 43. С. 657; № 45. С. 694; № 46. С. 721-723; № 47. С. 737; № 49. С. 762-763. 1907. № 21. С. 322-324; № 49. С. 828. 1908. № 20. С. 381-383; № 25. С. 485-489, 491-492. 1909. № 2. С. 19-23; № 6. С. 52-53; № 24. С. 388-390. 1911. № 24. С. 548-549; № 31. С. 686-687. 1912. № 25. С. 543-545; № 27. С. 573; № 33. С. 663-664.

Софийский Л.И. Высокопреосвященный Никон, архиепископ Карталинский и Катехинский, Экзарх Грузии (1861-1908): Биографические данные с портретами и автографом иерарха, а также его речи, слова и поучения. СПб., 1909. С. 399-400.

Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912. С. 157–158.

Русский паломник. 1912. № 27. С. 416.

Вологодские епархиальные ведомости. 1912. № 14. С. 316. 1914. № 2. С. 28; № 4. С. 53-55; № 5. С. 79-82, 99-100, 109; № 8-9. С. 163, 166-167; № 11. С. 217; № 22. С. 435-436; № 24. С. 455-456. 1915. № 3. С. 37-39; № 10. С. 192-193; № 13. С. 280-285. 1916. № 4. С. 33-34; № 5. С. 48-50; № 9. С. 140-141; № 15. С. 266-267; № 23. С. 398-399. 1917. № 5. С. 64-67.

Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1912. № 14. С. 329-335; № 15. С. 378-380; № 16. С. 385; № 18. С. 431-432; № 20. С. 497-501. 1913. № 14. С. 377-386; № 19. С. 558-559. 1914. № 16. С. 408-413; № 17. С. 426-429; № 19. С. 484-487; № 23. С. 594-598. 1915. № 6. С. 141-145; № 18. С. 483-486. 1916. № 1. С. 1-2; № 7-8. С. 171-172; № 10. С. 188, 190; № 11. С. 209-211.

Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 551, 558-559, 562-566, 571.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 5. Тверь, 2001. С. 3-19.

Лампада. Приложение к православной газ. «Благовест». 2003. № 7 (55).

РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 30.

ГАУО. Ф. 134, оп. 9, д. 62.

ГАСО. Ф. 32, оп. 18, д. 257, д. 261.

УФСБ России по Самарской обл. Д. ОФ-24805, д. 11500, д. П-6620, д. П-14633.

Примечания

¹ Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912. С. 157-158.

² Вятские епархиальные ведомости. 1891. № 19. С. 499.

³ Там же. С. 503.

⁴ РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 30, л. 1-57.

⁵ Софийский Л.И. Высокопреосвященный Никон, архиепископ Карталинский и Катехинский, Экзарх Грузии (1861-1908): Биографические данные с портретами и автографом иерарха, а также его речи, слова и поучения. СПб., 1909. С. 399–400.

⁶ Прибавления к Церковным ведомостям. СПб., 1904. № 51-52. С. 2102.

⁷ Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1916. № 10. С. 188, 190.

Сведения о дореволюционной деятельности щмч. Александра (Трапицына) содержатся в следующих источниках:

Вятские епархиальные ведомости. 1892. № 6. С. 193-196. 1895. № 23. С. 1011. 1899. № 7. С. 372; № 8. С. 238-240; № 21. С. 1064; № 23. С. 1254-1255. 1900. № 1. С. 21-28; № 6. С. 134, 220-221; № 7. С. 301-302; № 10. С. 225, 484; № 11. С. 489-494; № 12. С. 567; № 14. С. 675-678; № 19. С. 931-932; № 21. С. 981-982; № 22. С. 1142. 1901. № 10. С. 584-585; № 17. С. 909-911.

Калужские епархиальные ведомости. 1901. № 19. С. 1; № 20. С. 560; № 22. С. 329.

Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 47. С. 1924-1925; № 51-52. С. 2102-2103.

Владимирские епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 7-9, 36-40; № 4. С. 61, 122-125; № 5. С. 157-159; № 6. С. 191-192; № 7. С. 217-218; № 8. С. 240-242; № 9. С. 260-263; № 10. С. 247, 283-285; № 11. С. 312-314; № 13. С. 366-367; № 17. С. 478-479; № 21. С. 627-630. 1906. № 1. С. 15; № 4. С. 68-69; № 5. С. 81; № 7. С. 10-11; № 8. С. 131; № 9. С. 145; № 11. С. 177-180; № 13. С. 209-211; № 14-15. С. 224; № 29-30. С. 428; № 31. С. 446-447; № 36. С. 513; № 37. С. 533; № 40. С. 579-586; № 42. С. 629; № 43. С. 657; № 45. С. 694; № 46. С. 721-723; № 47. С. 737; № 49. С. 762-763. 1907. № 21. С. 322-324; № 49. С. 828. 1908. № 20. С. 381-383; № 25. С. 485-489, 491-492. 1909. № 2. С. 19-23; № 6. С. 52-53; № 24. С. 388-390. 1911. № 24. С. 548-549; № 31. С. 686-687. 1912. № 25. С. 543-545; № 27. С. 573; № 33. С. 663-664.

Русский паломник. 1912. № 27. С. 416.

Вологодские епархиальные ведомости. 1912. № 14. С. 316. 1914. № 2. С. 28; № 4. С. 53-55; № 5. С. 79-82, 99-100, 109; № 8-9. С. 163, 166-167; № 11. С. 217; № 22. С. 435-436; № 24. С. 455-456. 1915. № 3. С. 37-39; № 10. С. 192-193; № 13. С. 280-285. 1916. № 4. С. 33-34; № 5. С. 48-50; № 9. С. 140-141; № 15. С. 266-267; № 23. С. 398-399. 1917. № 5. С. 64-67.

Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1912. № 14. С. 329-335; № 15. С. 378-380; № 16. С. 385; № 18. С. 431-432; № 20. С. 497-501. 1913. № 14. С. 377-386; № 19. С. 558-559. 1914. № 16. С. 408-413; № 17. С. 426-429; № 19. С. 484-487; № 23. С. 594-598. 1915. № 6. С. 141-145; № 18. С. 483-486. 1916. № 1. С. 1-2; № 7-8. С. 171-172; № 11. С. 209-211.

⁸ Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 558-559.

⁹ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской Церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 297.

¹⁰ Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 562-566.

¹¹ Там же. С. 571.

¹² Там же. С. 551.

¹³ УФСБ России по Самарской обл. Д. 11500, л. 25 об.

¹⁴ Там же. Л. 21.

¹⁵ Там же. Л. 27.

¹⁶ УФСБ России по Самарской обл. Д. П-6620. Т. 5, л. 137-139, 158-162, 174-180, 185-186.

¹⁷ ГАУО. Ф. 134, оп. 9, д. 62, л. 205.

¹⁸ УФСБ России по Самарской обл. Д. П-14633. Т. 2, л. 104.

¹⁹ Там же. Т. 1, л. 113.

²⁰ Там же. Л. 65 об-66.

²¹ Там же. Т. 2, л. 268.

²² Там же. Т. 3, л. 29-30.

²³ УФСБ России по Самарской обл. Д. П-6620. Т. 5, л. 310.

²⁴ Там же. Л. 311.

²⁵ Там же. Л. 312.

²⁶ ГАСО. Ф. 32, оп. 18, д. 257, 261.

²⁷ УФСБ России по Самарской обл. Д. П-6620. Т. 5, л. 315.

²⁸ Там же. Л. 317.

²⁹ Там же. Л. 319.

³⁰ Там же. Л. 294.

³¹ Там же. Л. 304, 310-312, 316.

³² Там же. Л. 317, 319, 323.